

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

САЖЕНІЦЫ

СОРОК
ПЯТОГО
ГОДА

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

САЖЕНЦЫ СОРОК ПЯТОГО ГОДА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

ББК 84.Р7
Н 64

Художник Валентин Ефремов

Никольский Б.

Н 64 Саженцы сорок пятого года: Очерки и воспоминания. — Л.: Сов. писатель, 1985. — 304 с.

В новую книгу известного ленинградского писателя Бориса Никольского вошли очерки последних лет, а также воспоминания о Льве Кассиле, Федоре Абрамове и других писателях.

Н $\frac{4702010200-359}{083(02)-85}$ 97—86

ББК 84.Р7

© Издательство
«Советский писатель», 1985

I
САЖЕНЦЫ
СОРОК ПЯТОГО
ГОДА

ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

Я счастлив, что я этой силы частица ..

В Маяковский

Я хорошо помню день, когда меня принимали в партию. Навсегда, на всю жизнь, остался в моей памяти этот день. В партию, а точнее — кандидатом в члены партии, я вступал весной 1956 года в Забайкальском военном округе. Тогда я носил на погонах сержантские лычки и командовал отделением. Суровый край, нелегкая служба... Но, как это ни странно, хотя, до того как надеть солдатскую шинель, я успел окончить институт и пусть совсем немного, но поработать в газете, все же именно служба в армии — с ее строгой дисциплиной, взыскательной командирской требовательностью, с крепким воинским товариществом, с готовностью в любую минуту подняться по тревоге, с ответственностью за врученное Родиной оружие — помогла мне точнее ощутить свое место в жизни, помогла почувствовать себя прочно стоящим на земле. В армии я словно бы повзрослел, стал старше. И не только оттого, что к моим годам прибавился еще год-другой, а потому, что обрел я новые черты характера.

Тогда-то я и принял решение вступить в партию.

Коммунист. Это слово с самого детства означало для меня, для моего поколения нечто большее, чем просто принадлежность к партии. Оно, это слово, было символом борьбы за счастье трудящихся всей земли, символом революционной справедливости, символом бескорыстия и человечности.

Дзержинский и Киров, большевики ленинской гвардии и сам великий Ленин были для нас высоким примером. И вот теперь я сам готовился стать коммунистом.

Помню, партийное собрание, на котором рассматривалось мое заявление, проходило в Ленинской комнате нашей роты. Я стоял перед коммунистами батальона, перед офицерами, многие из которых прошли долгими дорогами войны, носили на своих кителях боевые награды и нашивки — за ранения.

Это были разные люди. Я видел перед собой нашего командира роты — высокого, чуть сутуловатого человека, по-крестьянски медлительного и обстоятельного. У него были крупные руки и тот особый, прочный, темно-кирпичного цвета загар, которым метят человека забайкальский ветер, мороз и солнце. Он был не очень разговорчив, наш ротный, но однажды во время привала после тяжелого марш-броска, когда кое-кому из нас, солдат, уже казалось, что больше не выдержать, не подняться, не сделать ни шага, он принялся неторопливо рассказывать нам, как зимой сорок первого восемнадцатилетним деревенским парнишкой начинал свою курсантскую службу. Он рассказывал нам, как мерзли курсанты в едва протопленной казарме, как с придирчивой дотошностью делили хлеб. Но каждое утро старшина выводил роту на зарядку, устраивал марш-бросок, и невыспавшиеся, измотанные недоеданием люди бегали, проваливаясь по колено в снег, а потом занимались строевой подготовкой, и ползали попластунски, и отрабатывали приемы рукопашного боя... И как-то один курсант не выдержал. «Товарищ старшина, — сказал он, — я не могу больше. Мы ведь не железные». А старшина посмотрел на него долгим, пристальным взглядом и ответил: «Да, вы правы. Не железные. Стальными мы должны быть сейчас. Стальными». «Стальными... — повторил ротный тогда, на привале, думая уже о чем-то своем, уходя от нас в свою военную молодость. — Стальными...» Эта стальная закалка военных

лет осталась в его характере навсегда, ее он стремился передать нам.

Я видел перед собой нашего комбата — в одном этом слове «комбат» слышались отзвуки фронтовой жизни, — человека требовательного, резкого, но справедливого. Однажды наш помкомвзвода, то ли в порыве служебного рвения, то ли по приказанию коменданта, отправил солдат в выходной день убирать территорию военного городка вокруг домов, где жили офицеры нашего батальона. Узнав об этом, комбат пришел в бешенство. «Солдатам дается отдых, — сказал он, — не для того, чтобы они убрали мусор за нашими детьми и женами. Ясно?» И хотя слова эти он произнес наедине с тянувшимся перед ним по стойке «смирно» помкомвзвода, каким-то неведомым образом они быстро стали известны солдатам. Мелочь? Пустяк? Но разве не такие вот мелочи порой определяют отношение подчиненных к своему командиру, отношение окружающих к коммунисту? Во всяком случае, нашего комбата солдаты любили. Рассказывали, что в юности он строил Комсомольск-на-Амуре, и та, еще комсомольская, юношеская бескомпромиссность жила в нем.

Тут же, в Ленинской комнате, я видел и своего командира взвода. Он был еще совсем молод, мальчишеский румянец разливался по его щекам, но профессию свою — радиотехнику — он знал отлично и этим покорял нас. За все время службы я не слышал от него ни одного грубого слова, он очень редко повышал голос. Вообще, я не раз замечал, что срываються, переходят на грубость, на крик чаще всего люди, не уверенные в себе, недостаточно хорошо знающие свое дело. Нашему же командиру взвода была присуща особая — спокойно-ироническая, с легкой добродушной усмешечкой — манера общения. Однажды, в самом начале моего солдатского пути, когда я еще только-только появился во взводе, он спросил меня с этой своей добродушной усмешечкой: «Ну как, нравится армейская служба?» Вопрос был задан на занятиях в

присутствии всего взвода, и я с несколько легкомысленным вызовом ответил: «Что-то не очень, товарищ лейтенант». В общем-то, я сказал правду: мне действительно очень нелегко было привыкать к большим физическим нагрузкам, к суровым порядкам армейского быта. Но лейтенант явно не ждал от меня такого ответа. Последовала пауза. Конечно, он мог попросту одернуть меня, прочесть длинную нотацию, упрекнуть в несознательности, я был готов к этому. Но лейтенант сказал только: «Ну что ж, садитесь» И ничего больше. Однако, видно, мысленно он продолжал спорить со мной, такой уж был это человек, что не мог что-либо, будь это радиосхема или спор о международном положении, оставлять незавершенным, не выясненным до конца. На другой день он снова поднял меня. «А как вы думаете, — сказал он, — народу нашему, стране нашей очень нравится содержать армию? Нравится тратить народные деньги на нас с вами, на вооружение, на обмундирование армии? А?» — «Думаю, что не нравится», — сказал я, поразмыслив. «Вот то-то и оно, — отозвался лейтенант. — Улавливаете мою мысль?» — «Так точно», — сказал я. Что ж, его аргументам нельзя было отказать в убедительности. Он докопался до самой сути. Он очень точно провел черту между «нравится — не нравится» и осознанием необходимости. Этот короткий разговор оказался убедительнее, чем любая долгая политбеседа, прочно запал мне в память.

Таковы были те люди, те коммунисты, перед которыми я весной далекого уже 1956 года, волнуясь, давал обещание всегда и во всем быть верным делу ленинской партии.

Теперь, более четверти века спустя, я снова мысленно вглядываюсь в их лица, я слышу их голоса. Я с благодарностью думаю об этих людях. Ведь что-то от них передалось и мне, продолжилось во мне, как продолжилось, наверное, и в них нечто от большевиков прежних лет. И не случайно уже много позже, когда я стал писателем, чер-

ты этих людей, их поступки заново ожили в характерах моих героев. Но это уже потом, позже.

А тогда, после собрания, я, весь еще во власти пережитого волнения, вышел из казармы. Начинался закат. Нигде больше, кроме Забайкалья, я не видел таких закатов. Закат здесь казался не просто обычным погружением солнца за горизонт, а неким торжественным и мощным проявлением небесной стихии. Огненно-красное зарево заливало полнеба. И на этом огненном фоне, вобравшем в себя все оттенки, все переливы, от ярко-алого до густо-вишневого, резко очерченные, темнели сопки. Когда-то именно здесь, среди этих забайкальских сопок, пролегал путь ссыльных каторжан-декабристов. Здесь расплачивались они за свое свободомыслие, за призыв к вольности, за дерзкий вызов, брошенный самодержавию. Здесь звучали ставшие пророческими строки: «Из искры возгорится пламя!» От них, от этих строк, протянулась ниточка к ленинской «Искре».

Как ошутима, как волнующе осязаема стала для меня в те минуты связь времен! Словно ожила вдруг передо мной вся революционная история России, увенчанная гением Ленина.

Тишина стояла вокруг. Такая глубокая, такая ничем не колеблемая тишина, как будто на мгновение я остался один на один со всем нашим огромным миром. Подобное ощущение я, бывало, испытывал, оставаясь глубокой ночью в темноте, один на посту. Казалось, весь мир погрузился в сон и на мои плечи, плечи солдата, легла ответственность за спокойствие и безмятежность крепко спящих людей...

Теперь я становился солдатом партии. И чувство высокой гордости оттого, что мне выпало счастье — пусть еще в самой малой степени, но все же быть причастным к великому делу партии, к делу Ленина, охватывало меня...

Тогда, в тот вечер, думая о Ленине, я еще не догадывался, не мог знать, что наступит время и я сам решусь написать книжку о вожде революции. Это совсем тоненькая книжка, и адресована она маленьким ребятам, но от меня она потребовала немалого труда. И писал я ее с особым волнением. В дни, когда весь наш народ отмечал ленинский юбилей, я решил рассказать юным читателям о том, как сам Ленин встречал свой день рождения, какие события его жизни произошли в этот день. И удивительная, поистине впечатляющая открылась картина. Всего о пяти днях из жизни Ленина рассказал я, но оказалось, что в этих пяти днях, словно в капле, отразилась вся жизнь вождя революции, основателя партии, основателя первого социалистического государства.

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что в день рождения Ильича они больше всего любили отправиться вместе на прогулку в весенний лес, забрести куда-нибудь подальше. Однако очень немного таких дней выпало на долю Ленина. День рождения заставлял его в ссылке, в одиночной тюремной камере, в эмиграции, вдали от Родины, в революционном, кипящем митингами апрельском Петрограде, в Кремле, на длящемся допоздна заседании Совнаркома... Вся жизнь Ленина была великой, неутомимой, непрерывной работой во имя народа, во имя освобождения трудящихся, во имя создания самого справедливого общества — общества коммунистического.

Да, работой. И потому, думая сегодня о Ленине, нельзя не думать о том, что быть коммунистом — это прежде всего значит работать, работать самоотверженно и бескорыстно, честно и мужественно, во имя народа, ради счастья народа. Самые добрые намерения, самые красивые слова и самые громкие лозунги ничто, если они не подкреплены практической, реальной работой. «Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда, владеть землей имеем право», — глубокий, непреодолимый смысл заключен в этих строках партийного

гимна. Только наша работа — работа каждого в отдельности и всех вместе — источник могущества и богатства, силы и достоинства нашей страны, нашей Родины. Другого источника нет. Этому учит нас, об этом постоянно напоминает нам партия.

Я листаю старые, пожелтевшие подшивки газет — какой верой в будущее, каким оптимизмом, какой искренней праздничностью дышат первые коротенькие рассказы о коммунистических субботниках!

«Ну что за радость выгружать ящики с гвоздями? Ерунда. А теперь посмотрите, как горят глаза, как неподдельно весело всем нам. А все потому, что труд наш вольный, без нужды, без понуканий, без окриков и, главное, общий, дружный.

— Так будут все люди работать при социализме! — восклицает кто-то из рабочей молодежи.

Девять часов. Заканчиваем.

Согреваемся чаем с куском хлеба. Выстраиваемся и, веселые, стройно идем обратно с громкой песней. Не хочется расставаться, и мы решаем: «Идем вместе до партийного комитета, а потом уже разойдемся». Так и поступили. Прощаемся.

— В следующую субботу придете?

— Придем и других приведем! Непременно!»

Эти безыскусные строки — словно письма нам оттуда, издалека, из юности нашей страны. Будто оттуда, из далеких уже дней, вглядываются в нас, в нынешних коммунистов, те люди, кто выходил на первые субботники, кто впервые ощутил радость вольного труда, словно спрашивают они нас требовательно и беспокойно: «Ну как, сбывается то, о чем мы мечтали?»

Я думал об этом, когда вместе со своими товарищами, ленинградскими писателями, приходил в день Ленинского субботника в цеха Невского завода имени В. И. Ленина, когда в мелькании красных бантов и вымпелов, в бодрящих звуках оркестра, а главное — в выражении

глаз, в легкой стремительности движений, в общем рабочем ритме я узнавал, угадывал тот высокий настрой души, без которого немислим истинный праздник Труда. Помню, однажды, как раз в день Ленинского субботника во время обеденного перерыва прямо в цехе несколькими кадровым рабочим вручались медали «Ветеран труда».

В день Ленинского субботника мы видели в цехе, на испытательных стендах мощные газоперекачивающие агрегаты ГТН-25, те самые ГТН-25, серийное производство которых еще недавно казалось весьма труднодостижимой целью. Но сумели! Освоили. Выпустили. «Когда отправляли первую ГТН-25, — рассказывал начальник цеха, — честное слово, даже слезы к глазам подступили! Столько труда, столько волнений, бессонных ночей было вложено в эту машину...»

Трудом, и только трудом, упорной, самоотверженной работой создаются и каждый километр Байкало-Амурской магистрали, и каждый новый цех «Атоммаша», добывается нефть из недр тюменской земли, выращивается хлеб на целинных просторах и хлопок на полях Узбекистана... И повсюду, где вершится нелегкая работа, впереди идут коммунисты. Быть примером добросовестности, организованности, дисциплины, без колебаний вступать в бой с расхлябанностью, безответственностью и ложью, откуда бы они ни исходили, не теряться перед трудностями и уметь вдохновить людей — этим искусством должны обладать и партийные руководители, и рядовые коммунисты.

Быть коммунистом, чувствовать себя коммунистом не только в обстоятельствах чрезвычайных, исключительных, но оставаться коммунистом всегда, в повседневной жизни, в простом и, казалось бы, малом, — это, может быть, самое важное. И опять я хочу обратиться к своему армейскому опыту. В моих блокнотах хранится набросок рассказа, написанного с натуры, как говорится, сразу, по

горячим следам. «Два политрука» — так назван этот набросок.

Было это на больших войсковых учениях «Двина», в которых наравне с кадровыми военными участвовали солдаты и офицеры, призванные на время учений из запаса. Я был определен тогда в редакцию газеты и однажды вместе с замполитом батальона — пожилым ленинградским рабочим-коммунистом приехал в одну из рот, стоявших в резерве.

Была зима, солдаты располагались в лесу, в самодельных шалашах или чумах, сложенных из снежных кирпичей. Навстречу нам из такого сооружения выбрался молоденький лейтенант запаса — замполит роты. Вид у него был огорченный и растерянный. «Ну и народ! — сказал он. — Что хотите делайте, товарищ капитан, а не могу я найти с ними общего языка. Сплошные нытики подобрался!» — «Да что произошло? Расскажите толком». — «А! — Лейтенант расстроено махнул рукой. — Я им про сознательность, про чувство долга, политинформацию хочу провести, а они мне: валенки, мол, промокли! Простуды, видите ли, испугались! Ничего не хотят слушать...» — Его губы обиженно дрогнули. «Ну давайте пойдем посмотрим на ваших нытиков», — сказал замполит батальона. «Да бесполезно, товарищ капитан, только нервы зря тратить, они же слов не понимают...» — «Пойдем, пойдем», — и капитан решительно подтолкнул лейтенанта к проему в снежной стене.

Внутри помещения, где мы оказались, было холодно, сумрачно и дымно. Вовсю дымил самодельный очаг, вокруг которого жались солдаты. Дым плавал повсюду, выдавливал из глаз слезы, в воздухе стояла сырая сырость. Увидев капитана, солдаты нестройно поздоровались. А он молча прошел к дымящему очагу, присел на корточки, аккуратно солдатским ножом принялся щепать лучины. «Кто же так огонь разводит?» — сказал, усмехаясь, словно бы самому себе. Через несколько минут в

очаге занялось небольшое, но сильное и яркое пламя. Весело потрескивали лучины. Дым уходил прочь, запахло теплом, горячей смолой. А солдаты сразу оживились, повеселели. «Ну а теперь можно и побеседовать», — сказал замполит батальона.

Маленький, казалось бы, незначительный эпизод. Но вот размышляя о стиле партийного руководства, об искусстве общения с людьми, я часто вспоминаю именно этого скромного, немногословного рабочего-коммуниста, на время учений надевшего капитанские погоны.

Главная цель и главный смысл работы нашей партии, партии коммунистов, не только в том, чтобы наша страна, наш народ становились еще и еще богаче, не только в создании материальных ценностей. Из года в год, из года в год партия ведет и иную — не менее важную и не менее сложную работу, которая не находит своего отражения в сводках ЦСУ, которую невозможно выразить с помощью цифровых показателей. Созидание нового человека, хозяина и творца, человека коммунистической морали, гражданина коммунистического общества — вот суть этой работы. И каждый из нас, будучи коммунистом, причастен к этой работе.

Издавна лучшие люди Земли мечтали о всеобщем человеческом равенстве и братстве. Независимо от расы и национальности, независимо от цвета кожи. Только социализм осуществил эту мечту. Давняя мечта стала строками главного закона страны — строками Конституции.

Как-то, несколько лет назад, мне с группой писателей довелось побывать в Соединенных Штатах Америки. В городе Окленде мы посетили скромный, существующий на частные пожертвования музей Джека Лондона. Из комнаты, где размещался музей, дверь вела в помещение городской библиотеки, и нас пригласили осмотреть эту библиотеку. Пожилая, интеллигентная, очень милая женщина вела нас вдоль полок с книгами, много и охотно рассказывала о редких изданиях, хранящихся здесь, об

организации работы библиотеки, о ее посетителях. А когда мы проходили через читальный зал, она вдруг понизила голос и сказала почти шепотом:

— Вон там, за крайним столиком... только не обращайтесь, пожалуйста, все сразу... там, за крайним столиком, сидит настоящий индеец. Он часто приходит сюда. Только прошу вас, не обращайтесь сразу, он очень не любит, когда его разглядывают... когда его показывают...

Что скрывать, конечно же, мне очень хотелось взглянуть на настоящего индейца, но я не стал обращаться — зачем смущать человека? Кому приятно чувствовать себя экспонатом, на который устремлены любопытные взгляды?

И все же, когда мы возвращались обратно через тот же читальный зал, я увидел этого человека. Молодой, худощавый, он был одет в обычный европейский костюм, но резко очерченный профиль, смуглое лицо и прямые черные волосы выдавали его происхождение.

Случайный эпизод, случайная встреча... Но я никак не могу забыть этого человека. В моих ушах все с той же отчетливостью звучит торопливый, извиняющийся шепот: «Только прошу вас, не обращайтесь сразу, он очень не любит, когда его разглядывают...»

Нет, я ни в чем не хочу упрекнуть нашу гостеприимную хозяйку. И ее гордость от того, что индеец — пусть один! — приходит в библиотеку, и ее деликатность по отношению к нему можно и понять, и оценить. Разве ее вина, что в стране, именующей себя «лидером свободного мира», в стране, так пекущейся на словах о демократии и «правах человека», представитель коренного населения выглядит некоей диковинкой, экзотической фигурой? Разве ее вина в том, что сам по себе факт появления американского индейца в библиотеке воспринимается как нечто исключительное, из ряда вон выходящее?

Случайный эпизод, но за ним ведь трагическая судьба целого народа, за ним целый клубок драматических проблем, которые не в состоянии разрешить общество капитализма.

«Он не любит, когда его разглядывают...» — в той же Америке я еще раз услышал почти эту же самую фразу. Только было это уже не в Окленде, а в Нью-Йорке, в негритянском Гарлеме. Наш туристский автобус медленно двигался по узким улицам, мимо мрачноватых домов, мимо небольших баров и магазинов, возле которых толпились чернокожие граждане Соединенных Штатов. Одни из них с безразличным видом сидели прямо на ступеньках у дверей, другие стояли небольшими группами, жестикулировали, о чем-то спорили, провожая взглядами наш автобус. Подростки и старики, женщины и мужчины... Здесь шла какая-то своя, особая жизнь, непохожая на ту, которую мы только что видели в соседних кварталах города.

— Постарайтесь воздержаться от фотографирования, — предупредила женщина-гид, сопровождавшая нас. — И не прижимайтесь к окнам. Они очень не любят, когда их разглядывают.

«Они». Это слово было произнесено так, словно речь шла о людях иной, враждебной страны или даже — иной, враждебной цивилизации. Атмосфера вражды, ненависти и страха, казалось, витала над городом.

Почему я вспоминаю этот случай?

Да потому, что, только побывав за рубежом, начинаешь словно бы новыми глазами видеть все, что давно стало для нас привычным, и с особенной гордостью думаешь о том, какое это великое завоевание, какая это великая человеческая ценность — дружба народов нашей страны! Дружба, которая закреплена не только законами нашего государства, но и самим образом нашей жизни, закреплена в наших душах, в наших сердцах. И все это стало реальностью не само по себе, не по мановению

некоей волшебной палочки, а в результате упорной, повседневной, целеустремленной работы нашей партии.

Мне не раз приходилось бывать в различных республиках нашей страны, и везде я встречал людей, живущих яркой, полнокровной, насыщенной жизнью.

Никогда не забуду, например, выставку детского рисунка в маленьком отдаленном якутском поселке, куда и добраться-то чаще всего можно лишь на самолете, — выставку жизнерадостную, солнечную, исполненную светлой надежды и уверенности в своем будущем. Дети не умеют притворяться. И эти детские рисунки лучше, убедительнее всяких слов говорили о том, что их авторы уже с самого раннего детства чувствуют себя полноправными гражданами великой Советской страны, растут в атмосфере человеческого братства. Это чувство приходит к ним естественно и просто вместе с первыми строчками якутского букваря, вместе с первыми строками пушкинского стихотворения, вместе с впервые произнесенным именем Ленина.

А ведь не свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, не возьми большевики власть в свои руки, и многие народности России ждала бы та же участь, которая постигла американских индейцев. И это не домысел, не досужее предположение. Об этом свидетельствуют факты.

Однажды, когда я собирал материал для публицистической книги «На кого работает время», мне в руки попал старый томик, изданный еще до революции. Книга эта называлась «Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране». Ее автор, Николай Ремезов, рассказывал о том, как с помощью обмана и угроз некий купец Уткин сумел скупить у башкир землю, по территории почти равную Бельгии. Скупить всего за восемь тысяч рублей! Как это делалось? А вот как: «Он выпоил башкирам несколько бочек вина, так что они подписы-